

Неважно, насколько внезапным это было для Лю Чжэчжи, — Мо Янь ждал этого совместного совершенствования слишком долго. Оно должно было случиться ещё по возвращении от Клана Демонов, но затянулось на несколько дней, и он уже едва сдерживал себя.

— Змейка, я не... ух!

Мо Янь не дал ему и слова сказать. Прижав к кровати, он впился в его губы поцелуем, а его руки уже действовали с отработанной сноровкой. Сдёрнув пояс, он не стал тратить время на аккуратное раздевание — просто рванул ткань.

В глубине души Мо Янь был уверен, что это Лю Чжэчжи пригласил его, что это была его инициатива. Однако со стороны его действия напоминали грубый штурм — он был нетерпелив, словно промедление стоило бы ему жизни.

Хотя они уже несколько раз занимались совместным совершенствованием, никогда ещё всё не начиналось так стремительно и напористо. Лю Чжэчжи, привыкший к сдержанности и самоконтролю, просто не успевал среагировать.

От поцелуя голова пошла кругом, он почувствовал прохладу на коже и, опустив взгляд, увидел на полу лишь белые обрывки своей одежды.

Так значит... демоны и впрямь не могут жить без этого?

Говорили, что у Демонического Владыки Мо Яня целый дворец красавиц, и он проводит ночи в утехах. Казалось бы, он должен быть искущённым. Почему же он ведёт себя так, словно не прикасался ни к кому целую вечность?

Лю Чжэчжи не испытывал отвращения к происходящему, но и интереса тоже — для него это было утомительно. Однако, видя, в каком иступлении находится его Змейка, словно он и впрямь умрёт без этого, он перестал сопротивляться.

Учитывая нетерпение Мо Яня и его скудные познания о демонах, он пришёл к выводу, что все они по природе своей необузданны и похотливы, и Мо Янь просто не в силах себя контролировать.

В любом случае, это не в первый раз. Это его Змейка, единственное существо в мире, к которому он привязан. Не может же он смотреть, как тот умирает от неутолённого желания...

Он лежал неподвижно, покорно принимая всё, что тот делал. Мо Янь, видя это, лишь больше уверился в своей правоте.

Я же говорил!

Он просто стесняется, любит меня, но не говорит прямо. Всё намекает, даже к совместному совершенствованию подводит окольными путями. Хорошо, что я такой сообразительный!

Полог кровати опустился, предвещая ночь страсти. Но вдруг Мо Янь, целовавший шею Лю Чжэчжи, замер и яростно посмотрел в сторону входа.

— Это... младший брат-ученик... — Лю Чжэчжи тоже почувствовал, что кто-то поднимается на пик, и попытался оттолкнуть его.

Мо Янь и так был недоволен, что их прервали, а от этого толчка и вовсе вышел из себя. В одних лишь нижних штанах он с глухим стуком свалился на пол.

Лю Чжэчжи, сам того не ожидая, среагировал слишком резко. Он поднялся и начал одеваться, но, увидев ошеломлённого Мо Яня на полу, почувствовал укол совести.

— Змейка...

— Не смей меня так называть! — прорычал Мо Янь, поднимаясь. — Младший брат-ученик, младший брат-ученик! Стоило ему появиться, и ты тут же швырнул меня на пол! Вот пусть он тебе в змею превращается и развлекает тебя!

Его ревность, казалось, заполнила собой весь Дворец Циу, став почти осязаемой. Но Лю Чжэчжи, не уловив её, лишь растерянно ответил:

— Младший брат-ученик — человек, он не может превратиться в змею.

В такой момент он говорит подобную чушь! Мо Янь едва не задохнулся от возмущения.

— А я тебя спрашивал?!

Любого бы разозлило, если бы его прервали в такой момент. Лю Чжэчжи понимал его гнев, но не мог понять, почему тот так ополчился на Бай Цю.

— Змейка, ты... спрашивал ты или нет, младший брат-ученик всё равно не может стать змеей.

Лю Чжэчжи говорил это не из упрямства, а чтобы напомнить своему Змейке.

Мо Янь и Бай Цю — главные герои, им суждено стать дао-спутниками. Если Мо Янь будет заблуждаться, думая, что Бай Цю тоже может превращаться в змею, это может помешать

развитию сюжета и повлиять на их дальнейшую судьбу.

Небесный Дао капризен, одно неверное движение может изменить всё. Он должен был его предостеречь.

Но какими бы благими ни были его намерения, Мо Янь мыслил совершенно в ином ключе и не мог понять его заботы. Услышав эти слова, он разозлился ещё больше.

Ах так, он меня презирает!

Бай Цю не может стать змеёй, он человек, как и он сам. А я — змея, да ещё и демон, не ровня ему!

Неудивительно, что он так балует Бай Цю! Выходит, я не достоин быть наравне с ним, а стал всего лишь его наложницей!

Чем больше Мо Янь думал, тем сильнее кипел от ярости.

Лю Чжэчжи, какой же ты молодец! Я предлагаю тебе стать моей Демонической императрицей, а ты, чёрт возьми, смеешь делать меня своей наложницей!

Лю Чжэчжи уже почти оделся, оставалось лишь завязать пояс. Он встал с кровати, но не успел сделать и шага, как его снова повалили.

— Змейка, что ты опять... ай...

Он не договорил — его шею обожгло укусом.

Вернее, это был поцелуй, но Мо Янь целовал так яростно, что укусил его, и это больше походило на то, как если бы его укусила собака.

Раньше они оба молчаливо договорились не оставлять следов на видных местах. Как бы Мо Янь ни терял голову, после он всегда убирал все следы своей духовной силой. Но не сегодня.

Укусив, он отстранился. Видя, как Лю Чжэчжи, нахмурившись, прикрывает шею рукой, он и бровью не повёл.

— Змейка, это место... как я покажусь людям? — Лю Чжэчжи не мог прямо попросить его убрать след, считая это неприличным, и лишь торопливо напомнил: — Младший брат-ученик сейчас войдёт.

— Ну и пусть входит. Что, я должен его ещё и встречать? — холодно хмыкнул Мо Янь, намеренно искажая его слова.

Он дулся, и Лю Чжэчжи это понял, но не мог понять причину. Показываться людям с таким следом было немыслимо, а у него самого не было сил его убрать. Подумав, он решил, что нужно заставить этого упрямца подчиниться.

— Змейка, — его голос стал строже.

Мо Янь инстинктивно вздрогнул, вспомнив страх, который испытывал, будучи маленькой змейкой.

Постойте, я же почти исцелился, мне больше не нужно его бояться!

У него нет сил, что он мне сделает!

При этой мысли Мо Янь снова выпрямился, преисполненный дерзости. Но тут он увидел, как Лю Чжэчжи, завязав пояс и надев маску, прошёл мимо, даже не взглянув на него, словно он был пустым местом.

Хм... кажется, он рассердился...

Окружающая духовная энергия начала колебаться. Увидев, что Лю Чжэчжи, опустив руку, начал складывать печать, Мо Янь запаниковал.

— Стой, стой, стой, не активируй массив!

У того в запасе было слишком много странных массивов, и он не хотел на глазах у Бай Цю превратиться в свинью или собаку.

Хоть Бай Цю и не был достоин, но Лю Чжэчжи — его будущая Демоническая императрица, а тот его баловень, так что Бай Цю, можно сказать, его соперник. Опозориться перед соперником — что может быть хуже!

Лю Чжэчжи повернулся к нему, молча указав пальцем на след на своей шее. Весь его вид, несмотря на слабость, излучал непререкаемую власть и величие Бессмертного Владыки.

Мо Янь смотрел на него, не в силах отвести глаз.

Чёрт! И прекрасен, и властен! Достоин быть моей Демонической императрицей!

Великий Демонический Владыка, сам того не осознавая, превратился в подлизу. Он подскочил к нему, убрал след от укуса и, воспользовавшись моментом, снова поцеловал его в шею. Удовлетворённый, он был готов от радости вилять хвостом.

Ему нравился и хрупкий, больной красавец, и коварный интриган, и властный Бессмертный Владыка. Любая сторона Лю Чжэчжи приводила его в восторг, он был опьянён им.

И тут снаружи раздался приторно-сладкий голос, от которого свело зубы:

— Старший брат-ученик~

Мо Янь, словно сторожевой пёс, учуявший чужака, мгновенно посуровел. Увидев улыбающегося Бай Цю, он тут же рявкнул:

— Ты кто такой, чёрт возьми?! Входишь в покои моего наставника как к себе домой! Тебя что, манерам не учили?!

Бай Цю застыл, в его глазах на мгновение мелькнула злоба, но он тут же состроил жалкое лицо и посмотрел на Лю Чжэчжи.

— Старший брат-ученик, почему племянник-ученик так...

Он не договорил, но его вид, готовый вот-вот расплакаться, говорил сам за себя: Мо Янь его обидел, и он ждал, что Лю Чжэчжи за него заступится.

Так было всегда. Его старший брат-ученик был Бессмертным Владыкой Чжэчжи. Кто бы его ни обидел, стоило ему пожаловаться, и старший брат-ученик тут же вступался за него.

— А что я такого сказал? Ты ведёшь себя неподобающе, врываешься в покои старшего брата-ученика и, вместо того чтобы раскаяться, ещё и плачешься! А ну-ка, пошёл вон, наплачешься — тогда и войдётся!

Мо Янь не собирался терпеть его выходки. Его тошнило от этого жеманства.

Взрослый мужик, а ведёт себя как девица, плачет и строит глазки. Не знающий решил бы, что его кастрировали!

Если бы он в своё время попытался так со мной сдружиться, я бы его одним ударом прихлопнул!

Соблазнить Лю Чжэчжи таким способом? Мечтай!

Бай Цю, которого обругали, едва он переступил порог, никогда в жизни не слышал таких оскорблений. Он едва сдержался, чтобы не наброситься на обидчика, и, сжав кулаки до боли, снова посмотрел на Лю Чжэчжи.

— Старший брат-ученик, я пришёл не вовремя? Я... я не знаю, чем прогневал племянника-ученика, почему он, едва увидев меня...

Он снова не договорил, начав всхлипывать. За столько лет Лю Чжэчжи так насмотрелся на эти уловки, что мог бы сам их в точности воспроизвести.

Почему такой человек стал главным героем...

Лю Чжэчжи мысленно вздохнул. Он искренне считал, что тот и в подмётки не годится Мо Яню, который тоже был главным героем. Но раз Небесный Дао выбрал его, кто он такой, чтобы спорить. В конце концов, ему пришлось вмешаться.

— Сюаньчжи не хотел тебя обидеть.

Им суждено стать дао-спутниками. Хоть он и не понимал, почему Мо Янь сейчас так враждебно настроен к своему будущему партнёру, но ради общего блага нужно было сгладить углы.

Лю Чжэчжи хотел помочь своему Змейке не идти против судьбы и добавил:

— Младший брат-ученик, входи.

Ты смеешь его впускать?!

Глаза Мо Яня едва не вылезли из орбит.

Лю Чжэчжи, ты смеешь его впускать?

Сегодня ты впустил его в покои, а завтра, что, впустишь в свою постель?!

Видя, что Лю Чжэчжи за него заступился, Бай Цю снова улыбнулся и шагнул за порог. Но тут же ему в грудь ударил поток духовной энергии. Он не успел увернуться, и его отбросило назад.

Снаружи раздался глухой стук упавшего тела. Мо Янь, холодно опустив руку, повернулся и встретился с удивлённым взглядом Лю Чжэчжи.

— Змейка, ты... зачем ты его ударил?

Предначертанный судьбой дао-спутник. Даже если между ними ещё не возникла связь, как можно было поднимать на него руку?

Лю Чжэчжи был в полном недоумении. Но для Мо Яня его слова прозвучали как упрёк — он жалел Бай Цю и винил его.

В тот же миг сотни защитных барьеров окутали покои Циу. Мо Янь одной рукой подхватил его, мгновенно переместился к кровати, бросил его на неё и навис сверху.

— Лю Чжэчжи, теперь я и вправду зол!

Их дыхание смешалось. Лю Чжэчжи услышал его слова.

Хоть это и прозвучало как угроза, сказанная сквозь зубы, Лю Чжэчжи нашёл это милым.

Его Змейка такой милый. Даже когда злится, он честно об этом говорит. Но то, что он ударил своего дао-спутника... это никуда не годится.

Предначертанного Небесным Дао партнёра нужно любить и оберегать, а он, едва встретив, набросился на него. Такое противостояние судьбе не доведёт до добра. Его нужно как следует проучить.

— Змейка, как бы то ни было, ты не должен был бить младшего брата-ученика. Если ты недоволен, я сам разберусь. Впредь так не поступай. Запомнишь?

— Да, я не должен был его бить.

Мо Янь навис над ним, его зрачки полностью залила тьма.

— Лю Чжэчжи, я должен был его просто убить. Что он вообще такое, чтобы со мной тягаться!

Какой-то слабак, не способный выдержать и одного моего удара, смеет претендовать на мою императрицу?

Кто бы ни посмел встать между мной и Лю Чжэчжи — все они должны умереть!

От него исходила жажда убийства, демоническая ци выходила из-под контроля. Лю Чжэчжи понял, что дело плохо, но было уже поздно. В мгновение ока его одежды рассыпались в прах, а талию мёртвой хваткой сжали сильные руки.

На его божественной душе красная нить брака вспыхнула алым светом, разгораясь всё ярче,

свидетельствуя о том, что чувства и собственнический инстинкт Мо Яня достигли своего пика.

Но нить брака, привязанная к божественной душе, — такое было неслыханно. Лю Чжэчжи не знал, что это значит. Он знал лишь, что с Мо Янем сейчас что-то не так.

Из-за того что он заступился за Бай Цю, Мо Янь потерял рассудок. В его голове билась лишь одна мысль: кто-то пытается отнять у него Лю Чжэчжи, а тот ещё и заступает за другого. Он положил руку на его плоский живот, провёл пальцами до пупка и, понизив голос до хриплого шёпота, произнёс:

— Я могу достать досюда.

Даже если Лю Чжэчжи был неискушён в любовных утехах, после нескольких раз с ним он понял, о чём идёт речь. Его тело мгновенно напряглось.

— И он вздуется, наполненный моей изначальной Ян.

Это была уже не просто пошлая фраза, а скорее анонс.

Мо Янь решил, что должен пропитать Лю Чжэчжи своей демонической ци изнутри и снаружи, чтобы его прекрасные, мягкие губы больше никогда не произносили имя «младший брат-ученик».

Его императрица. В его глазах, в его словах, в его сердце должен быть только он один.

Если он будет думать о ком-то другом, значит, это он, Мо Янь, слабак, не способный удержать своего дао-спутника.

Те, кто посягают на Лю Чжэчжи, должны умереть. Но самого Лю Чжэчжи он не мог ни убить, ни ударить, ни отругать. Значит, нужно было укротить его в постели, раз и навсегда.

Лю Чжэчжи никогда не видел своего Змейку таким. Его аура стала слишком опасной, он был на грани одержимости демоном сердца.

Но Мо Янь не дал ему времени на раздумья. Он впился в его губы яростным поцелуем и сдержал своё слово — и о том, куда достанет, и о том, что вздуется...

Когда буря улеглась, Мо Янь, глядя на свой мокрый змеиный хвост, смутно услышал раскаты грома вдали.

Это была не молния, а грохот в облаках, словно Небесный Дао готовил Небесную кару,

предупреждая кого-то.

Хоть он и не мог, как Лю Чжэчжи, заглядывать в будущее, но дураком не был. Раз он слышал этот гром, значит, он был направлен на него.

Раз кара не обрушилась, значит, он ещё не до конца пошёл против Небесного Дао, но уже совершил что-то противное ему.

Глядя на спящего под ним, Мо Янь вдруг кое-что вспомнил.

Когда он был маленькой змейкой, Лю Чжэчжи говорил, что он и Бай Цю — пара. Тогда он решил, что тот просто сводничает. Но теперь...

Неужели Лю Чжэчжи заглянул в будущее и узнал о каком-то предначертании Небесного Дао, поэтому и сказал это?

Иначе с чего бы Бессмертному Владыке Чжэчжи сводить своего любимого младшего брата-ученика с заклятым врагом?

Чем больше он думал, тем мрачнее становилось его лицо.

Лю Чжэчжи влюблён в Бай Цю. Он, не побоявшись заглянуть в будущее, узнал, что я и Бай Цю как-то связаны, поэтому при первой встрече, как бы я его ни звал, он меня игнорировал, а потом и вовсе напал.

Все эти годы он оберегал Бай Цю, не смея пойти против Небесного Дао, страдал от неразделённой любви, лишь балуя и опекая его. А потом нашёл меня, и я ему тоже приглянулся. И вот он, не в силах выбрать, с одной стороны, спешит выйти за меня, а с другой — не может отпустить Бай Цю.

Поэтому, когда я обругал Бай Цю, он за него заступился, ему было так жаль его!

Мо Янь выстроил логическую цепочку, и его лицо почернело.

Хорош же ты, Лю Чжэчжи! И это праведный Бессмертный Владыка? Да ты, чёрт возьми, просто изменник!

Раз уж связался со мной, так веди себя прилично! Ещё смеешь думать о Бай Цю — я запрю тебя в постели и не дам отдохнуть ни днём, ни ночью!

<http://bllate.org/book/16980/1594115>